

ТРАНСНАЦИОНАЛИЗМ – ГЕНДЕР – ПОСТКОЛОНИАЛИЗМ

Постколониальные исследования и транснациональные феминистские практики

Индерпал Гревал, Карен Каплан

1. Будучи феминистками, которые участвуют в так называемых постколониальных исследованиях с аспирантских лет, мы никогда не сомневались в том, что история современного империализма неразрывно связана с положением женщин и с отношениями гендеризированной власти. Многие годы мы вместе с нашими коллегами работаем, чтобы понять, как связаны между собой междисциплинарные исследования гендера и такие ключевые для нас понятия, как колониализм, современность и глобализация. И мы все более и более убеждаемся, что в современном мире распространяются новые формы колониализма, и что для их рассмотрения требуются новые формы феминистской теории.

2. В 80-х годах мы начали наши карьеры ученых и преподавателей с работы над так называемым колониальным дискурсивным анализом. Как феминистки, мы обратили свое внимание на проблему гендера и путешествий с целью изучить взаимоотношения женщин из разных культур и наций, вместо того, чтобы изучать только отношения женщин и мужчин. Как специалистки в области культурных исследований, мы воспринимали путешествия как отличную перспективу для исследования историй этих взаимоотношений. Наш подход к анализу путешествий как разновидности досуга вывел нас на исследование

© Jouvart and North Carolina State University

Редакция благодарит Индерпал Гревал и Карен Каплан за помощь в публикации данной статьи.

Перевод с сокращениями Сергея Драпико выполнен по интернет-публикации <http://social.chass.ncsu.edu/jouvart/v5il/grewal.htm>

других современных форм передвижений и перемещений, таких как иммиграция, насильственное переселение, диаспоры, убежища для беженцев, а также путешествия с образовательными или деловыми целями. Посредством такого анализа мы хотели разрушить сложившиеся дисциплинарные разграничения между американскими исследованиями и региональными исследованиями, женскими исследованиями и этническими исследованиями, а также между исследованиями высокой и низкой культуры. Например, мы хотели участвовать в исследованиях расы не только в терминах практик гражданских прав и политик идентичности, но также и на уровне дискурсов, имеющих конкретные последствия в истории империализма.

3. Работая вместе, мы решили, что нам требуется набор критических практик, которые помогли бы нам переосмыслить и переработать то наследие империализма, которое еще присутствует в проектах развития и модернизации как в академии, так и вне ее, как в США, так и за границей. В нашей совместной работе мы решили использовать термин «транснациональный» вместо «международный», чтобы выразить, что мы скорее хотим дестабилизировать, а не сохранить, границы нации, расы и гендера. Термин «транснациональный» обращает внимание на неравномерность и неоднородность циркулирования культуры и капитала. Посредством такого критического осмысления связи между патриархатом, колониализмом, расизмом и другими формами доминирования становятся более явными и доступными для критики или апроприации. В противоположность этому, у термина «интернациональный» совсем другая история. Интернационализм как концепция основан на налично существующих конфигурациях национальных государств как дискретных и суверенных сущностей. Хотя социалистическая модель интернационализма постулирует пересекающий границы нации и государства альянс рабочих, целью которого является сопротивление капитализму, однако, либеральные и консервативные версии интернационализма, возникшие после первой мировой войны, ставят своей целью рассудить и разрешить конфликты между нациями.

4. Таким образом, если мы говорим о транснациональном циркулировании информации, капитала и труда, мы критикуем систему, основанную на неравенстве и эксплуатации. Для нас было бы неприемлемо защищать транснациональный феминизм как более лучший, или же очищенный интернациональный или глобальный феминизм. Не стоит прославлять, например, транснациональный феминизм как феминизм, свободный от этих подавляющих условий. В действительности, НЕ СУЩЕСТВУЕТ феминизма, свободного от асимметричных отношений власти. Скорее, транснациональные феминистские практики, как мы их называем, включают в себя формы альянса, подрыва и соучастия, внутри которых можно критиковать различные асимметрии и неравенства.

5. Для нас отношения между постколониальными и транснациональными исследованиями – это отношения, имеющие особую феминистскую траекторию, которая всегда фокусирует неравенства, созданные капиталистическими патриархиями в различные эры глобализации. Теории и методологии так называемой «постколониальной» критики дали нам возможность изучать транснациональность. Например, понятия «ориентализм», «подчинение», «гибридность», «диаспора», «теория путешествий» и «теория границ» дают феминисткам концептуальные инструменты для изучения широкого диапазона политик репрезентации. Акцент на истории современного империализма помогает феминисткам рассматривать расу, сексуальность и класс не только как ограниченные (имеющие границы) категории, но и как концепции, которые «путешествуют», то есть циркулируют и действуют различными способами в различных пространствах и временах. Несмотря на широкую применимость концепций, выработанных постколониальными исследованиями, их институализация в США и Европе крайне ограничена. В течение по крайней мере последних десяти лет исследователи постколониализма ставят эту проблему. Как и мы, многие критические исследователи вынуждены работать вне того, что вообще понимается под постколониальными исследованиями, хотя никто не отрицает их объяснительной и аналитической значимости.

6. Сдвиг в нашей работе от постколониальных к транснациональным исследованиям не мог быть совершен без постоянного использования нами теорий нации и национализма. В дискуссиях о глобализации в транснациональном контексте первостепенная значимость разнообразных национализмов (либо центрированных на государстве, либо культурных) остается очевидной. Хотя антиколониальные движения и использовали национализм для завоевания независимости от европейского господства, сегодняшняя история национализма поднимает множество важных вопросов о его прогрессивных и реакционных измерениях. Будучи учеными-феминистками, мы видим национализм как процесс, в котором новые патриархатные элиты получают власть, порождая затем общее «мы» нации. Гомогенизирующий проект национализма использует ресурсы женских тел как символа нации, чтобы производить дискурсы изнасилования, материнства, сексуальной чистоты и гетеронормативности.

7. Однако недостаточно сказать, что национализмы являются патриархатными. В современных исследованиях европейских женщин-путешественниц раскрываются способы, посредством которых евроцентричные дискурсы о колонизированных женщинах как жертвах своей культуры стали широко распространенными; они также показывают, что сами эти женщины-путешественницы выражали националистические идеи о превосходстве своей

страны и своих возможностях и о неполноценности колонизированных Других. Это объясняет, почему, например, британские женщины во второй половине девятнадцатого века продолжали верить, что их страна является гаванью свободы, в то время как сами они не имели права голосовать и только еще боролись за свои права. Это может также объяснить, почему сегодня в Британии многие женщины из рабочего класса, борющиеся за право на труд, до сих пор могут поддерживать проект британского колониализма. Национализм создает это непонимание, то есть намеренные и идеологические «забывания», и такие практики продолжают и по сей день. Например, женщины из исламских стран получают политическое убежище в США, так как они заявляют о преследованиях со стороны их патриархатной культуры, несмотря на то, что США остается страной с исключительно высоким процентом домашнего насилия.

8. Обращая внимание на взаимодействия между женщинами разных наций, мы можем понять природу того, что называют «транснациональными» отношениями, то есть отношениями, пересекающими границы наций. Используя такой транснациональный анализ, мы можем получить совершенно другую картину отношений феминизма к национализму. Такой анализ противоречит популярному убеждению, что феминизм находится в антагонистических отношениях к национализму. Сложность национализма состоит в том, что, несмотря на частое противопоставление национализма и феминизма, такая оппозиция не может рассматриваться лишь как сопротивление национализму, поскольку один часто не может существовать без другого и часто один конструируется посредством другого.

9. Чтобы перейти к такому критическому подходу, нам необходимо понятие транснациональности, чтобы дифференцировать наши практики от практик глобального феминизма. Транснациональные феминистские практики направляют нас к междисциплинарному исследованию взаимоотношений женщин в различных частях света. Эти взаимоотношения неодинаковы, часто неравны и комплексны. Они возникают из разнообразных женских потребностей и программ в различных культурах и обществах. Сталкиваясь с гетерогенным и многоликим миром, как мы можем понимать и учить о положении женщин? Когда мы задаем этот вопрос, отношения между женщинами становятся так же сложны, как и отношения между обществами или между нациями. Вместо того, чтобы просто использовать модель поиска информации о множестве женщин по всему миру (такой процесс случаен и бесконечен), мы должны научить студентов мыслить о гендере в мире, границы которого изменились. После того, как недавние исследования показали, что гендер, класс, религия и сексуальность создают различные типы женщин по отношению к различным типам

патриархата, мы должны разработать курсы, которые представляют более комплексный взгляд на то, как женщины становятся «женщинами» (или другими гендерными субъектами) во всем мире. Кроме того, мы должны учить о влиянии глобальных сил, таких как колониализм, модернизация и развитие, на конкретные и историзированные гендерные практики, которые создают неравенства и асимметрии.

10. Разве без постколониальных исследований возможно хотя бы подступиться к пониманию сложности взаимоотношений между национализмом и феминизмом? И, следовательно, разве возможно понять способы, посредством которых современные расизм, национализм и гендерное угнетение были созданы совместно, а не по отдельности? На протяжении почти двадцати лет постколониальные исследования дают нам возможность понимать глобализированные истории гендера и власти. Например, как преподаватели программы женских исследований, мы исследуем, с одной стороны, способы выхода феминистских сообществ в киберпространство, а с другой стороны, новую женщину-рабочего на многонациональных конвейерах или увеличивающееся количество женщин в тюрьмах больших городов. Наша задача – разработать концептуальные рамки, в которых можно изучать все эти условия вместе, а не акцентировать некоторые из них и игнорировать другие. Исследование транснациональных движений по отношению к истории колониализма и постколониальности приведет к созданию новых феминистских теорий.